

Примечания

¹ Революционное движение в Бурят-Монголии: сб. документов / под ред. П. Т. Хаптаева. Улан-Удэ, 1955.

² НАРБ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 75. Л. 1.

³ Штернберг Л.Я. Инородцы. Формы национального движения в современных государствах. СПб., 1910. С. 616.

⁴ Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М., 2000. С. 112.

⁵ Штернберг Л.Я. Указ. соч. С. 620.

⁶ Революционное движение в Бурят-Монголии в период революции 1905 года... С. 165.

⁷ Кудрявцев Ф.А. 1905 год в Бурят-Монголии. Улан-Удэ, 1936. С. 51.

⁸ Козьмин Н.Н. 1905 год и буряты. Иркутск, 1926. С. 6.

⁹ Штернберг Л.Я. Буряты... С. 621.

¹⁰ Елаев А.А. Указ. соч. С. 115.

¹¹ Там же.

¹² Штернберг Л.Я. Указ. соч. С. 573.

¹³ Козьмин Н.Н. Указ. соч. С. 6.

¹⁴ Штернберг Л.Я. Указ. соч. С. 573.

В. П. ШАХЕРОВ

ГОРОДСКАЯ ТОРГОВЛЯ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

О степени распространения постоянной торговли свидетельствовало большое количество лавок в ведущих городах Иркутской губернии. В Иркутске уже в конце 1780-х гг. действовало 2 гостиных двора с 467 лавками, хлебный рынок, где находилось 67 торговых точек, 13 харчевен, мясные и рыбные ряды. Современники справедливо называли его «средоточием всей многообразной Сибирской торговли, через который проходят или провозят разные товары, как следующие из России в Якуту, в Якутск и в Камчатку, так и отправляемые из многих мест в Москву, на Ирбитскую и Макарьевскую ярмарки лучшие пушные и также разные китайские товары»¹. Губернский центр выступал в роли гигантской перевалочной базы, распределяя партии товаров по обширной территории Восточной Сибири.

Значительное количество лавок гостиных дворов говорило в основном о высокой степени развития оптовой торговли. Большинство из них действовало только в период ярмарок, а в остальное время пустовали или использовались под складские помещения. Так, в 1823 г. в Иркутске из 146 лавок купеческого гостиного двора было занято товарами 110, в мещанском ряду — 58 из 73, а торговля производилась всего в 13 лавках². Розничная же торговля велась на торговых рынках и в рядах, а также

в лавках под домами. С 1767 г. когда горожане получили право открывать лавки при своих домах, их численность быстро растет. В начале XIX в. в Иркутске насчитывалось до 30 каменных купеческих домов, первые этажи которых были предназначены для лавочной торговли. В доме Н. Баснина, например, располагалось 10 торговых лавок и 5 харчевок. Купеческие лавки при домах стали появляться и в других городах губернии. Так, верхнеудинский купец М. Курбатов имел 20 лавок. Количество мест постоянной торговли быстро росло. Так, по данным А. Мартоса, в Иркутске в 1820-х гг. при домах числилось 108 лавок, 18 погребов, 13 шкафов. Кроме них, 30 лавок находилось в мясном ряду, 26 — в рыбном, на мелочном рынке — 35 лавок, 24 шкафа, 110 балаганов, 96 столов³.

Городские власти стремились установить жесткий контроль над всей розничной торговлей. С этой целью требовали производить ее только в общественных торговых рядах и рынках. В ходе постоянных проверок торговая депутация постоянно сталкивалась с небольшими лавками, открытыми без всякого разрешения думы. Так, в 1832 г. депутация инициировала постановление иркутского губернского правления о запрещении торговать соленой рыбой из бочек в лавках, устроенных при домах местных жителей. Торговали рыбой обычно во время массового промысла и в зимнее время. Всего была обнаружена 31 такая лавка. Показателен социальный состав их владельцев. Только 3 из них принадлежали купечеству. Владельцами 15 были мещане, 4 лавки принадлежали цеховым, 7 — отставным казакам и солдатам, по одной архиерейскому служителю и жене тункинскому ясажного бурята. При этом только 4 владельца имели еще торговые помещения в общественных рядах.

Вокруг верхнеудинского гостиного двора сформировалась торговая площадь, на которой размещались торговые ряды и лавки М. Курбатова, А. Шевелева, Д. Пахолкова, а также кузницы, мясной ряд и хлебный рынок. К наиболее крупным магазинам того времени относились торговые ряды купца М.К. Курбатова, возведенные в начале 1830-х гг. «Дом с лавками» представлял собой одноэтажный корпус с двухэтажным средним объемом. По главному фасаду вдоль одноэтажной части, предназначенной для торговых помещений, на каменном ступенчатом стилобате тянулась крытая галерея с колоннами. Всего в рядах Курбатова сдавалось в наем 16 лавок. Кроме того, в городе были винные магазины, питейные дома и амбары для хранения товаров. В 1838 г. торговую инфраструктуру в Верхнеудинске составляли 3 провиантских, 2 винных, 2 соляных магазина, 3 питейных дома, съестной рынок и два гостиных двора на 74 торговые лавки⁴.

Оживленная торговая жизнь кипела в Кяхте. Кроме оптовой торговли здесь значительное развитие получила мелочная торговля, в которой участвовало значительное количество забайкальских жителей. В гостиных дворах Троицкосавска и торговой слободы насчитывалось 123 лавки. Кроме них, на мелочном и съестном рынках торговля производилась

из 45 лавок, 2 лавок хлебного амбара, соляного и провиантского магазинов, 5 питейных домов и 2 погребков с виноградным вином. То есть всего здесь насчитывалось 181 торговых мест⁵. По удельному весу купечества Кяхта была самым торгующим городом не только Сибири, но и России. В 1850-х гг. торговый оборот градоначальства составлял более 30 млн р. в год, а в обоих населенных пунктах (с Троицкосавском) проживало в 960 домах почти 5,5 тыс. чел. Здесь официально было зарегистрировано 58 торговых фирм. В 1862 г. только в самой торговой слободе состоялось 276 купцов и находилось 165 торговых лавок⁶.

Торговые обороты малых городов региона были невелики. Годовой оборот Киренска в середине 1850-х гг. составлял всего около 30 тыс. р., то время как летом мимо города ежегодно сплавлялось различных товаров на 580 тыс. р. и более⁷. В Нижнеудинске в 1857 г. было 3 больших постоянных двора, 7 малых, и 11 мелочных лавочек. Но город после объединения с подгородной слободой быстро рос. В 1865 г. в нем насчитывалось уже 546 жилых домов, 8 складских магазинов, 47 торговых лавок⁸.

Торгово-распределительная специализация Иркутска, сформированная еще на рубеже XIX в., оставалась неизменной вплоть до начала XX в. В разноуровневых торговых операциях, от оптовых поставок до мелочной торговли, была занята значительная часть горожан разной социальной принадлежности. Для города была характерна все более повышающаяся роль стационарной торговли. С ростом городского населения заметно увеличивается численность торговых мест.

На фоне постепенного сокращения торговли из лавок и складов гостиных дворов заметнее выступает роль магазинной торговли, специализирующейся на определенных группах товаров, что увеличивает возможность выбора для горожан, содействует формированию потребительского спроса. Число мест постоянной торговли росло на протяжении всего периода. По данным иркутской торговой депутации, в 1828 г. в городе было 396 постоянных мест торговли, в том числе 192 лавки и 204 более мелких заведений (балаганы, столы, шкафы, лари). В 1843 г. в губернском центре действовало 177 торговых лавок, 247 кладовых лавок и магазинов, 230 столов, шкафов и балаганов, 16 лавок при домах, 6 ренсковых погребов, 1 ресторация, 2 харчевки, 70 постоянных и доходных дворов. Всего 749 торговых точек. Но и это было еще не все. В перечень не попали трактирные заведения, лавки мясного и рыбного рядов. Кроме того, в статистику практически не включалась разносная торговля, продажа товаров с лодок и возов. Так, по данным за 1857 г., в Иркутске около 170 чел. занимались мелочной и развозной торговлей⁹.

В середине XIX в. количество торговых заведений Иркутска превышало показатели Тобольска, Томска и Тюмени вместе взятых. Из более чем полутора тысяч мест стационарной торговли, что насчитывалось в городах Байкальской Сибири к середине XIX в., почти половина нахо-

дилась в губернском центре. В среднем приходилось по одной лавке на 20 горожан. Более высокой степени коммерческого сервиса не было ни в одном другом сибирском городе. Да и в России подобных торговых городов было не так много. Следует отметить также, что развитие специализации в торговом маркетинге важно не только для самой торговли, но и для «формирования ценностных социальных категорий городской культуры, ибо она создает материальную основу избирательности горожанина как поведенческой привычки»¹⁰. В Иркутске каждый покупатель мог найти свой товар соответственно своим доходам и потребностям.

Во второй половине XIX в. интенсивность и специализации торговой инфраструктуры Иркутска еще более возрастает. В 1862 г. в городе насчитывалось 234 магазинов и лавок, 308 кладовых, 200 балаганов, ларей и столов, 181 небольшая лавочка при домах. Кроме того, действовали три базара: «мелочный, где сосредотачивается торговля овощами, птицей, изделиями городских и сельских ремесел, а также старыми вещами; хлебный и сенной с дровяным, между которыми помещаются рыбные ряды и часть мясных». Особенно заметно растет сеть магазинной торговли в 1870–1880-х гг. В этот период наступает расцвет ленской золотопромышленности, которая в значительной степени находилась в руках иркутского купечества. Число людей со значительными и даже очень крупными средствами в Иркутске сразу увеличилось. «Разбогатевшие золотопромышленники строили в городе новые особняки, конторы, магазины, приобретали предметы роскоши, словом жили на широкую ногу, шумно и разгульно: «крупная игра, новый театр, маскарады, балы, вечера, ели и пили много»¹¹.

Даже несмотря на иркутский пожар 1879 г., истребивший практически всю центральную часть города, наблюдается стабильный рост и специализация торговой инфраструктуры. Число мест крупной магазинной торговли выросло со 185 в 1877 г. до 200 в 1881 г. Еще более заметным был рост мелочной торговли: соответственно 391 и 485 торговых точек. Следует добавить, что в эти данные не включены заведения, специализирующиеся на торговле спиртными напитками, которых только в 1877 г. было 238.

Весь оборот внутренней торговли Байкальской Сибири в первой трети XIX в. превышал 13 млн р. Однако товаров проходило через город значительно больше, чем он мог потребить. В 1828 г. через Иркутск в разных направлениях прошло почти 43 тыс. возов и 54 судна с российскими, сибирскими и китайскими товарами. Весь поступивший в город товар оценивался примерно в 30,5 млн р. Львиная их доля приходилась на внешнюю торговлю, ведущие позиции в которой занимал российский капитал. Отправлено из Иркутска дальше товаров на 10,9 млн р., остальная же товарная масса предназначалась для реализации в торговой сети города и губернии. Внутренняя торговля в Прибайкалье была

представлена суммой в 8,8 тыс. р.¹² Кроме того, обороты внутренней торговли в Забайкалье составляли около 4,8 млн р.¹³

Четкой специализации среди торговцев не наблюдалось. Купеческая торговля носила смешанный характер и отличалась использованием всех форм торговой деятельности. Даже первогильдейское купечество сочетало оптовую торговлю с розничной, а через своих агентов развозило товары в самые отдаленные уголки губернии. Основным стимулом любого предпринимателя являлось получение торговой прибыли, определяемой разницей между покупной и продажной стоимостью вещи. О размерах прибыли, получаемой предпринимателями, можно судить лишь по единичным и косвенным примерам, так как она составляла одну из наиболее тщательно скрываемых коммерческих тайн. Норма прибыли зависела от размеров оборота, сочетания разных видов торговли, использования кредитных операций. Численно преобладала масса мелких торговцев, доход которых не превышал 8–10 к. на рубль. Лишь возможность совершать по несколько оборотов в год позволяла им сводить концы с концами. У крупного капитала, использующего различные сферы деятельности, норма прибыли была значительно выше. Так, доходы купечества, занятого в русско-китайской торговле в первое десятилетие XIX в., составляли по 50–80%. А прибыль сибирских купцов, реализующих на Ирбитской ярмарке в 1809 г. китайские и пушные товары, достигала 40–60 к. на 1 р.¹⁴

Монопольное положение купеческого капитала на рынке приводило к тому, что купец приобретал товар ниже, а продавал выше его реальной стоимости. Таким образом, в основе торговой прибыли лежал неэквивалентный обмен. Значительные территориальные колебания цен в России можно объяснить незавершенностью процесса образования всероссийского рынка, неравномерным экономическим развитием отдельных областей, в первую очередь центра и окраин. Огромные сибирские расстояния и бездорожье требовали увеличения издержек на перевозки, которые также оплачивал потребитель. Так, в XVIII в. пуд сахара стоил в Архангельске — 5 р., в Тобольске — 7, в Иркутске — 14–20, в Якутске — до 40 р.¹⁵ Разница в ценах на самые простые товары по мере удаления от губернского центра достигала астрономических цифр. Так, пуд муки стоил в Иркутске 15 к., а на Камчатке до 3,15 р., пуд масла соответственно 1,75 и 20 р., стопа бумаги — 50 коп. и 3 р.

Для развития рыночных связей важен ассортимент товаров, который присутствует на местном рынке. Если попытаться обобщить и выделить самые ходовые товары на сибирском рынке, которые способствовали быстрому обращению капитала и, следовательно, придавали особый динамизм экономической жизни, то в первую очередь это будут «съестные припасы». В силу сибирского бездорожья и протяженности торговых путей экономически было невыгодно подобные товары экспортировать

из Сибири в европейскую часть России. Так как хлебный рынок Сибири определялся только внутренним спросом и колебаниями урожайности, то уже в конце XVIII в. предложение хлеба на местном рынке заметно превышало спрос, снижая цены, что отнюдь не стимулировало процесс интенсификации земледелия и в целом сельского хозяйства.

Излишки продукции крестьянских хозяйств реализовывались на небольших сельских ярмарках и торжках, а в городах — на хлебных или толкучих рынках (как правило, в воскресные дни, а зимой почти ежедневно). С городским рынком непосредственно было связано лишь крестьянство ближайшей округи, подавляющая же масса сельских жителей прибегала к услугам перекупщиков. Фактически вся хлебная торговля находилась в руках скупщиков. Купечество закупало хлеб в селах через своих агентов или подставных лиц. Часто в роли скупщиков выступала богатая верхушка деревень. В 1820 г. губернские власти констатировали, что «зажиточные крестьяне из корыстных видов захватывают в одне руки все избытки хлеба»¹⁶. В результате перекупных операций резко сократилась свободная хлебная торговля в Иркутске. Если в конце XVIII в. на местный рынок привозилось от 200 до 400 возов с хлебом, то в первые десятилетия XIX в. подвоз его значительно упал, а цены возросли. Крупнейшим потребителем хлеба являлась казна, закупавшая его для снабжения воинских частей, населения Нерчинского горного округа, казенных винокуренных заводов, дальневосточных окраин. Пытаясь бороться с хлебной монополией перекупщиков, администрация предпринимала меры к ограничению их деятельности, конфисковала незаконно приобретенный хлеб. Наиболее остро эта борьба развернулась в бытность иркутского гражданского губернатора Н.И. Трескина, при котором «вся почти внутренняя торговля была в зависимости от чиновников». Фактически вместо купеческой хлебной монополии была введена чиновническая, которая также сопровождалась грабежом и притеснением народных масс. Меры, введенные Трескиным, тормозили развитие внутренней торговли, ограничивали предпринимательскую деятельность крестьянства. Поэтому одним из первых шагов новой администрации, возглавляемой М.М. Сперанским, было издание в 1819 г. «Предварительных правил о свободе внутренней торговли» для всех слоев сибирского населения. Этот указ расширил возможности поступления крестьянских товаров на городской рынок, способствовал развитию межрайонных рыночных связей, поскольку отменял все внутренние сборы и пошлины.

Помимо хлеба важное место в рационе жителей Иркутской губернии занимали мясо и рыба. Основным потребителем этих продуктов был Иркутск. На его рынок поступало около 75% всей добываемой в крае рыбы. Центром рыбной промышленности был Байкальский бассейн. В первой половине XIX в. здесь добывалось более трети годового сибирского улова рыбы. Наряду с крестьянским рыболовством, носившим в основном

потребительский характер, широкое распространение на Байкале получила промышленная добыча рыбы с последующей ее переработкой и продажей на местных рынках. Рыболовный промысел требовал совместных усилий многих людей. Всего в рыбопромышленности на Байкале было занято около 3–4 тыс. чел. Из Иркутска омуль развозился по всей Восточной Сибири и за ее пределы. Общие доходы от продажи рыбы достигали почти 600 тыс. р.¹⁷

Торговля мясом была монополизирована небольшой группой иркутских купцов. В первом десятилетии XIX в. вся мясная торговля в Иркутске была отдана на откуп купцам Ланину, Попову, Кузнецову. Иркутск постоянно испытывал недостаток в мясной продукции. Скот в основном закупался в Красноярском округе и в небольшом количестве в Забайкалье. Широко практиковался перекуп скота. Мясопромышленники иногда искусственно создавали дефицит мясoproдуктов, чтобы поддержать высокие цены. Используя значительную разницу между покупной и продажной ценой (туша стоила в Иркутске 14–15 р., а приобреталась за 4–5 р.), торговцы получали до 10% чистой прибыли. О размере ежегодного потребления мяса в губернском центре можно судить по тому, что в 1833 г. в Иркутск было доставлено на продажу 7 650 голов рогатого скота. Кроме того, у иркутян находилось до 1 700 голов рогатого скота и около 1 тыс. лошадей¹⁸.

Винная и соляная торговля осуществлялась, как правило, в форме подрядов и откупов. Они составляли сферу деятельности крупного капитала. Мелкое купечество, мещане и крестьяне участвовали в них лишь на стадии транспортировки и реализации. Распределение откупов находилось в ведении правительства, отдававшего их преимущественно дворянству и крупнейшему купечеству Центра. Но все же сибирскому купечеству удавалось проникать в винные откупа. Среди винных откупщиков мы встречаем таких известных иркутских купцов, как Баснины, Солдатовы, Сибиряковы, Игумновы, Киселевы и др. Винная продажа осуществлялась через разветвленную сеть питейных домов, погребков, выставок, подвалов, охватывающих все населенные пункты губернии. В Иркутске еще в 1730 г. было около 10 трактиров, которые вопреки распоряжениям правительства были полны людей все ночи напролет. В архивных документах сохранились яркие и меткие названия иркутских кабаков конца XVIII в.: Каменный подвал, Дворянка, Новый, Разгуляй, Залупаиха, Косоголиха, Зырянка, Аптека, Большой, Облупа, Прилука, Девкин, Тычок¹⁹.

В конце XVIII в. торговля вином в Иркутской губернии производилась в 257 питейных домах и выставках, а чистая прибыль составляла до 500 тыс. р.²⁰ Также через подряды производилась развозка и продажа соли по губернии. В 1824 г. было реализовано около 186 тыс. пудов соли, а доход от ее поставок оценивался в 300 тыс. р. Торговля производилась

в 68 магазинах и стойках. Число специализированных мест для продажи спиртных напитков постоянно росло. Если в 1830-х гг. в Иркутске вино продавалось только в 19 питейных домах и гербергах, то спустя полвека в городе действовало 4 водочных завода, 9 оптовых складов, 110 харчевен и 36 кабаков, где можно было приобрести спиртные напитки на вынос и распивочно. Заведения эти принадлежали 39 хозяевам, среди которых наиболее крупными были иркутские купцы Осокин, Попов, Ожигов и Мальмберг.

Основным товаром, с которым выходило сибирское купечество на внешний рынок и на российские ярмарки, была пушнина. Скупщики и агенты купцов собирали ее в кочевьях инородцев, по местным торжкам и ярмаркам, а затем перепродавали представителям крупных оптовиков. Оказавшийся в августе 1787 г. в Иркутске американец Дж. Ледиард, со слов иркутских купцов, записал, что в разных частях Америки находится до 2 тысяч русских промышленников. Он же отзывался о них как «об очень интересных и смелых людях». «Некоторые из них, — писал Ледиард, — побывали до этого в устье Енисея, другие — в устье Лены или на Колыме. Едва ли найдется такое место на севере или востоке, где бы не был кто-либо из них»²¹.

В начале XIX в. торговлей пушниной в больших размерах занималось 13 иркутских купцов. Среди них были Ф. Медведников, закупавший до 250 тыс. белок, П. Трапезников — 128,6 тыс., В. Сухих — 130 тыс., П. Солдатов — 130 тыс., И. Малышев — 160 тыс. и др. Всего ими было закуплено более 1 млн беличьих шкур, главным образом ангарских и ленских. Более половины их (53,3%) было променяно в Китай, остальные продавались на Иркутской и Ирбитской ярмарках. Иркутское купечество было основным поставщиком пушнины на китайский рынок. В сентябре-октябре 1822 г. в Кяхту было доставлено около 1,3 млн белок, из которых 80% принадлежало иркутским купцам Медведниковым (471 тыс.), Трапезниковым (271 тыс.), Сибиряковым (329 тыс.)²².

Таким образом, формирование торговых связей вокруг городских центров определяло степень развития городов региона, их рыночную инфраструктуру и своеобразие. Расширение рыночных отношений в той или иной степени содействовало открытости экономики. На практике это означало установление добровольных и взаимовыгодных обменных процессов как внутри локальных территорий, так и между ними. Образование устойчивых межрайонных связей содействовало формированию регионального рынка.

Внутренняя торговля Байкальской Сибири носила многоуровневый характер. Различные формы торговли не подавляли, а дополняли друг друга, формируя единый хозяйственный комплекс. Несмотря на важность и масштабы разнообразных ярмарок, охватывающих все экономическое пространство Байкальской Сибири системой торговых цепочек от

города к сельским поселениям, в первой половине XIX в. все заметнее становится роль стационарной торговли, лучше отвечающей повседневному потребительскому спросу городского населения.

Примечания

¹ Семивский Н.В. Новейшие, любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири. СПб., 1817. С. 32.

² Мартос А. Письма о Восточной Сибири. СПб., 1827. С. 152.

³ Там же. С. 152–153.

⁴ Резун Д.Я., Беседина О.Н. Городские ярмарки Сибири XVIII–первой половины XIX вв. Ярмарки Восточной Сибири. Новосибирск, 1993. С. 69.

⁵ Статистические сведения о Кяхте и Троицкосавске // ЖМВД. 1837. № 10. Ч. XXVI. Л. 276.

⁶ Жиров А.А. Купеческая слобода Кяхта и ее обитатели (фрагменты истории повседневности) // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири. Барнаул, 2005. С. 141.

⁷ РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 1664. Л. 48.

⁸ РГИА. Ф. 1287. Оп. 42. Д. 494.

⁹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 1664. Л. 40.

¹⁰ Резун Д. Я. О некоторых исторических категориях городской культуры Сибири XVII–XIX вв. // Роль Сибири в истории России. Новосибирск, 1993. С. 6.

¹¹ Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. М., 1891. С. 106.

¹² Богашев В. Иркутск в статистическом отношении // Сын Отечества. 1833. Т. 35. С. 320–321, 365–366.

¹³ РГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 503. Л. 75–76.

¹⁴ РГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 422. Л. 23об.

¹⁵ Яковцевский В. Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1958. С. 102.

¹⁶ Вагин В. Исторические сведения о деятельности гр. М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. СПб., 1872. Т. 1. С. 357.

¹⁷ Курбатов А. Статистические сведения о лесной и рыбной промышленности Верхнеудинского округа // Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1841. С. 41.

¹⁸ Трапезников Н. О состоянии г. Иркутска в 1836 г. // Иркут. губ. ведомости. 1858. № 17.

¹⁹ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск, 1957. Т. 2. С. 503.

²⁰ ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5308. Л. 7об.–8.

²¹ Болховитинов Н. Н. Россия и война США за независимость. 1775–1783. М., 1976. С. 183.

²² РГАДА. Ф. 183. Оп. 1. Д. 84а. Л. 213–213об.